

МОДЕСТ КОЛЕРОВ

начальник Управления Администрации Президента
по межрегиональным и культурным связям
с зарубежными странами

Выходит юбилейный, 50-й номер «Логоса», одного из журналов-должителей, возникших в постсоветский период. Какие Вы видите изменения на протяжении этих пятнадцати лет в нашей журнальной, интеллектуальной ситуации, ее структуре в целом и какое место в ней занимает «Логос»?

Когда будет написана история русской философии или интеллектуальная история России двадцатого века (к написанию которой я даже подталкивал некоторых наших систематически мыслящих историков философии), то в главе о конце 1980-х — начале 2000-х гг., думаю, несколько полноценных страниц или весомый параграф будет посвящен именно «Логосу». Убежден в том, что «Логос» при всех его попытках совершить несколько «заходов в жизнь», сменить стиль, «Логос», начинавший с Галковского, а заканчивавший ростовскими философами — это, тем не менее, целостная институция, которой принадлежит роль, сопоставимая с ролью великих толстых журналов девятнадцатого века. Я не преувеличиваю.

Эта роль в первую очередь просветительская?

Не только. Конечно, просветительская, миметическая роль журналов в 1990-е годы была велика. Да и сейчас, в той же «Апологии» я вижу «следы» просветительских усилий одного из его отцов-основателей «Логоса», Валерия Анашвили. Но в то время даже литературные критики спешили употребить малознакомые фамилии в своих газетных колонках — всех этих Бодрийаров и Деррида. Все знаменитые книги того времени — сборники про «танатос», «секс и смерть» и т. п. — использовались так же интенсивно, как цитатники Мао хунвэйбинами. Просто хунвэйбинов было гораздо больше, а у нашей интеллектуальной молодежи не хватило мощи стать многомиллионной.

Но просветительская функция — лишь часть роли «Логоса». Он был и остается полноценным умственным журналом, не только следящим за модой, но и являющимся школой расширения сферы интеллектуального. Он впитывал в себя и «human story», и какие-то сквозные литературно-исторические ходы, и просто общекультурную зубодробительную критику. «Логос» хотел быть большим — и он таким стал.

Здесь нужно сказать и о его тематических сборниках. Журнал выпускал, конечно, и в высшей степени недемократические слишком узкие по тема-

тике номера, не отвечавшие пафосу времени, вроде «Львовско-Варшавской школы». Но, с другой стороны, в 1999 году вышел сборник, посвященный войне в Косово, который стал бестселлером, хитом, важным интеллектуальным событием. Он был не только отражением, но и инструментом поворота русской интеллигенции к национальному самосознанию, к самоуважению. Журнал как раз хорош тем, что не только занимается просвещением, но и инициирует интеллектуальные усилия нашего общества.

В 1990-е годы Вы активно использовали понятие культуркритики. На сегодняшний день эта тема остается актуальной?

Используя это слово, я сам себя считал себя культуркритиком. Важное значение культуркритика, на мой взгляд, сохраняет и в настоящее время. Может быть — с большим акцентом на государственно-правовые, обществоведческие в советском смысле слова вопросы. Раньше она была более открыта художественной сфере, сфере искусства. В этом направлении сейчас продолжают работать Елена Петровская и еще несколько человек. А признанные культуркритики, тоже вышедшие из 1990-х годов, ушли в фундаментализированную публицистику. Она также является культуркритикой, но у нее намного более короткое дыхание, чем у культуркритики 1990-х. Та была легка, потому что она была открыта всему. Сейчас она тяжеловата. Но, тем не менее, и у нее есть свое законное место.

«Логос» всегда совмещал в себе две линии — более закрытую профессионально-философскую, и более открытую публицистическую. Удавалось ли ему достичь здесь гармонического сочетания?

Нет, «Логос» разрывается между этими усилиями. И всегда разрывался. В масштабах одного номера или одного года, я думаю, эти две линии вообще нельзя свести воедино. В каком-то смысле «Логос» остается традиционным «толстым» журналом, где первый отдел — худлит, второй отдел — «идейлит», третий отдел — «научлит», четвертый отдел — критика. Такова классическая схема русского толстого журнала. Но такой схеме удается следовать не в пределах одного номера, а в многоходовой, многолетней комбинации.

Если посмотреть на историю журнальных проектов за период существования «Логоса», то какие тенденции там можно зафиксировать? Почему многие проекты проваливались?

Чаще всего журнальные проекты проваливались, с одной стороны, из-за неэффективности и непрозрачности схемы финансирования, а с другой — из-за того, что они очень быстро становились «кухонными», клановыми. А на кухне, особенно коммунальной, где всегда идет борьба за малосольный огурец, рассчитывать на благотворительность не приходится. Выживали только те журналы, которые переставали клановыми. И «Логосу» это удалось. Перескакивая «со льдинки на льдинку» (здесь, конечно, сказался огромный менеджерский талант его главного редактора), ему удалось диверсифицировать источники финансирования именно потому, что удалось диверсифицировать читательскую аудиторию. Поэтому он выжил, когда большинство других журналов не выжило. Они либо становились узкопартийными и, следовательно, скло-

пывались как явление, либо были яркими, но слишком дорогими, и у них не хватило ресурсов.

Если говорить о перспективах, то, на Ваш взгляд, какой журнал сегодня является востребованным?

«Логосу» нужно бороться за востребованность. У него новая ситуация, перед ним новый вызов, серьезная задача. Нужно вновь «удариться оземь» и найти свое новое лицо. Я всегда привожу этот: невозможно написать единую, сквозную, монографическую историю журнала «Вестник Европы», потому что он просуществовал 120–130 лет. Он слишком долго жил, у него сменилась манера, и у него не было единой биографии, хотя, конечно можно проследить какие-то периоды его жизни. А вот у «Вопросов философии и психологии» такая биография, напротив, была, хотя в его жизни также можно проследить отдельные периоды. Если бы кто-то попытался подвести итоги «Вестника Европы», он не смог бы этого сделать, поскольку этот журнал уже оказывался мертвым при каждом новом поколении. Как заслуженному, юбилейному журналу не стать мертвым, как снова впитать в себя молодежь — вот такие задачи нужно решать. А решать их нужно, потому что эта молодежь за два-три года до «оранжевых революций» будет снова под хохот нашей интеллигенции говорить о левой угрозе. Тогда как сама эта интеллигенция уже ударились лбом об телевизор и нашла себя оранжевой. Такие вещи, на мой взгляд, надо делать, здесь совершать открытия.

И я думаю, что «Логос» способен обрести новую жизнь. Главное, чтобы ему досталось внимание от издателей.

Беседу вел Виталий Куренной